

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095



ОГОНЁК

№ 28

1986



Бабкен К А Р А П Е Т Я Н

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

« П Р А В Д А »

ЯБЛОНЕВЫЙ САД

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 28

Бабкен КАРАПЕТЯН

ЯБЛОНЕВЫЙ САД

СТИХИ

Перевод с армянского

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1986

Бабкен КАРАПЕТЯН

Бабкен Карапетович Карапетян родился 2 мая 1911 года в Леникане, в семье железнодорожного рабочего. Учился в средней школе, ФЗУ, а затем работал в паровозном депо слесарем, машинистом.

Писать начал с юношеских лет. Первая книжка его «Песни рельсов» вышла по инициативе великого Чаренца, который и стал его первым редактором. В 1934 году молодого поэта послали в Москву на учебу во Всесоюзный Коммунистический институт журналистики имени «Правды». После окончания учебы, с 1938 года работал в республиканской газете «Советакан Айастан» зав. отделом литературы и искусства, а затем собственным корреспондентом «Известий» по Армении.

С начала Великой Отечественной войны находился в рядах Советской Армии как писатель (на Крымском фронте) и как редактор дивизионной газеты «В бой за Родину».

Бабкен Карапетян — один из популярных поэтов Советской Армении, его перу принадлежит около 20 названий книг — поэзии и прозы, лирики и сатиры. Произведения Бабкена Карапетяна переводились на русский язык и печатались в центральных журналах и газетах и вышли отдельными книгами («Голосом сердца», «Моя любовь», «Лирика и сатира», «Дым очага»). Некоторые стихи и баллады в разное время печатались в переводах на чешском, французском, арабском языках, а также на языках народов СССР.

Перу поэта принадлежат многочисленные переводы на армянский язык произведений Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Есенина, Шевченко, Низами, Хетагурова, Гейне...

Ветеран войны и труда, Б. Карапетян удостоен многих правительственных наград. Член КПСС с 1931 года. Член Союза писателей СССР с 1934 года.

КЛЯТВА

Время, стой, как верный часовой
Нашего единства, силы нашей.
Ленин с нами! Он — в веках живой —
На земле, свободы свет узнавшей.

Время, стой! Поведай нам о нем,
Искру превратившем в пламя.
Знамя Октября всегда огнем,
Заревом зари горит над нами.

Клятву гордо повторяют поколения
Нашей в буре рожденной страны:
Имени Ленина,
Знамени Ленина
Будем верны!..

Время, стой! Глазами Ильича
Пристально взглядишь в Страну Советов.
Жизнь у нас клокочет горяча,
Света от нее — на всю планету.

Клятву гордо повторяют поколения
Нашей в буре рожденной страны:
Имени Ленина,
Знамени Ленина
Будем верны!..

ОДА РОССИИ

Орел пролетал над твоим
Необъятным простором,
Кружил над заводами,
Пашнями, крышами сел.

Но нет, не сумел охватить
Он страну беспредельную
Взором.

И к звездам тогда
Обратился с утеса орел:
— О звезды, скажите,
Какие долины под вами?
Вы светите ярко,
Земля хорошо вам видна!..

И ясные звезды,
Сверкнув золотыми лучами,
Орлу отвечали:
— Счастливая эта страна!
Там вольные люди проходят
По светлым дорогам,
Там тучные нивы
Шумят на ветру по утрам,
Широкие реки текут
Там в величии строгом,
И в знойных пустынях
Леса поднимаются там.
Какие посевы, деревья,
Цветы и усадьбы!
Все пышет там радостью,
Миром и силой вокруг.
Об этом подробнее
Солнце могло рассказать бы,—
Оно ведь земли этой
Верный товарищ и друг...

И к жаркому солнцу
Орел полетел торопливо.
— О вечное солнце!
Ты дружишь с той
Славной страной.
Ты светом своим
Озаряешь долины и нивы,
Могучие люди живут
На земле под тобой.
Ты мне Расскажи
О просторах земли этой новой,
Открой перед взором
Чудесную эту страну!..
И солнце проснулось,
Срывая туманов покровы,

И вышло победно
В бездонную голубизну.
И небо сияло, зарею
Расцветчено алой,
Внизу пробуждались деревни,
Сады, города,
И слышалась песня,
И труд закипал небывалый,
Работали тракторы,
Плавилась в домнах руда.
И солнце сказало орлу:
— С высоты озирая
Широкие дали,
Сдружилось я с этой страной.
От западных рек и до
Дальневосточного края
Держава Советская
Не растается со мной.

Ни с кем и ни с чем
Эта чудо-страна
Не сравненна,
Щедры ее недра,
Цветущи ее берега.
Хранит она мир.
Но готова ответить мгновенно
Жестоким ударом на козни
Любого врага!

И гордая птица, могучий
Орел быстроскрылый,
С утеса высокого глянул
Восторженно вниз.
Смотрел, потрясенный
Невиданной этою силой,
И вдаль устремился,
Туда, где белеет Матис.

СМОЛЬНЫЙ

Здесь каждый камень дорог мне и мил:
Здесь встал к штурвалу Ленин в грозный час;
Здесь он работал, не жалея сил,
По этим коридорам он не раз
Походкой горопливой
Проходил.

Вот небольшой рабочий кабинет
И спальенка. Тревожен и суров
Нехитрый быт тех беспокойных лет:
Ни золота, ни радужных ковров,
Ни хрустала
Здесь не было и нет.

Все буднично, куда ни кинешь взгляд.
Все под рукою — комната мала.
Карандаши граненые лежат.
Графин с водою, кресло у стола,
Знакомый
Телефонный аппарат.
Бывала эта комната полна
Людей в шинелях — к двери не пройдешь,
И лампочка горела допоздна;
Казалось, тесный кабинет похож
На штаб,
Не знавший отдыха и сна.

Здесь сердце Революции самой
Стучало, — и его бессонный зов
Был ясно слышен в стороне любой —
Путиловцам, стоящим у станков,
И морякам,
Идущим в смертный бой.

Ильич и Смольный,
Смольный и Ильич...
Искрясь, трещали до утра костры,
Был голос ветра как победный клич.
Величье незабвенной той поры
И ныне трудно
До конца постичь.

Из края в край, сметая царство зла,
Не чудо и не щедрый дар небес —
Свобода шла, прекрасна и светла,
И правда удивительней чудес
И сказочнее вымысла
Была.

Здесь с памятью своей наедине
Я долго и торжественно стою,
И Ленину в звенящей тишине
Я снова поверяю жизнь свою,
И даль грядущего
Открыта мне.

* * *

Над Прагою златоглавой
Рассветные облака...
От Праги до старой Опавы
Дорога недалеко.

В Опаву люд из предместий
Спешит на партийный клич...
В их гуще с шахтерами вместе
Готовый к битве Ильич.

В простой одежде шахтера,
С шахтерским мандатом, он там —
Исполнен сил для отпора
Крикливым меньшевикам.

Степенны, широкоплечи
Из шахт поднялись на слет.
Как ярко в день этой встречи
Прожектор ленинской речи
Им путь озарил вперед.

Единственный путь к просторам
Счастливых грядущих дней
В горячих словах «шахтера»
Им виделся все ясней.

И в крепком сердечном сплаве
С рабочими наравне
Ильич со слета в Опаве
Прошел по чешской стране.

По фабрикам шел, по заводам,
На фермы крестьян заходил.
Хлеб-соль с трудовым народом
И веру в победу делил.

И в каждом сердце чистом
И в сердце Чехии всей
Оставил священную искру
Рассвета грядущих дней.

По весям страны свободной,
Все новое видя вокруг,
Проходит он и сегодня —
Шахтер, учитель и друг.

* * *

Спокойная гладь Разлива,
Белесый купол небес.
По берегу — вереск да ива,
Да глухо ропщущий лес.

Приспела пора сенокоса.
И здесь никому невдомек.
Кого по озерному плесу
Рыбачий повез челнок.

Сток сена, шалаш на поляне
В кустах у озерных вод.
Там бедный «финн-крестьянин»,
В косцы нанятой, живет.

Проснется он рано-рано
И за работу чуть свет...
А стул и стол — два чурбана —
Зеленый его кабинет.

Работой живет он и дышит,
Накосит, в копны сгребет.
А после — садится и пишет
Весь день и ночь напролет...

И сколько б ищайкам ни рыскать,
Им тут не найти ни следа...
Лишь Свердлов, Серго и Дзержинский
Дорогу знают сюда.

А он все пишет и пишет,
Он здесь неотрывен от масс...
И Ленина партия слышит
И слышит рабочий класс.

Грибов еще дачники ищут,
Аукаются окрест...
Шпионы Керенского рыщут
Повсюду вблизи этих мест.

Подходит ранняя осень,
Туманы, дожди, холода...
А он и пишет, и косит,
Работает, бодрый всегда.

И верит он в утро победы,
Он знает — воспрянет народ,
Избудет великие беды
И власть в свои руки возьмет.

* * *

Армения моя, скала средь ветров бурных,
Как чистая лоза, прозрачен твой простор.
Душа моя хранит твоих озер лазурных,
Твоих бессонных глаз неповторимый взор.
В журчащих голосах твоих потоков ясных
Мне слышится напев мелодии родной.
Твой теплый ветерок, как поцелуй прекрасный,
Как бабочка в саду, порхает надо мной.
Впиваю воздух твой, ловлю твой шорох каждый.
Армения моя, о если бы я мог
Росинкою застыть в твоих бутонах влажных
И в пламени любви сгореть, как мотылек.

АРАГАЦ

По-царски, Арагац, ты нынче снова
Оделся в белое на склоне дня.
И, светом пробужденное былого,
Сильней забилося сердце у меня.

И снова розы в голубой долине
Пылают в предзакатной тишине.
И сказки, не забытые поныне,
Как прежде, ты рассказываешь мне.

Отец и мать давно ушли со света,
И нет со мной из старших никого.
И ты теперь один в округе этой
Живой свидетель детства моего.

Ты — мой отец, в глаза глядящий строго,
И добрая, улыбчивая мать.
И пусть зима у моего порога —
Мне свет весенний даришь ты опять.

НА БЕРЕГУ АРАКСА

Струится над Араксом ветер зыбкий,
И всем, кто с родиною разлучен,
В полночный час на камышовой скрипке
Негромко и печально вторит он.

И песня грустная летит по свету,
И жалобно вздыхают тростники,
И слышится солдату песня эта
Безлунной ночью около реки.

Она плывет издалека навстречу,
И оживают давние года.
Идет отец по росному заречью,
Горит коса, и плещется вода.

Все в памяти: поникшие деревья,
Белесый дым, повисший над межой,
Глухая мгла, сожженная деревня,
И скорбный плен на стороне чужой.

А ночь вокруг все гуще, все угрюмей,
И только ветер, спрятавшись во тьму,
Утих, чтоб не мешать солдатской думе.
О чем она?
Неведомо ему...

* * *

Цветы Арагаца — улыбка твоя,
Армения, солнце мое и мечта!
В источниках вкус бесподобный тая,
Ты славой взнеслась, как Масис-высота.

Армения гордая, в ярких лучах,
Душистая, как золотой виноград,
В озерах твоих, как в пытливых глазах
Сыновней душой отражаться я рад.

Вода и земля твоя — это ль не рай?
Твоя сладкозвучная речь так нежна!
Пленительных песен сверкающий край,
Армения, звездная чудо-страна!

По тысяче лет пирамидам твоим,
А монастыри твои тайны полны...
Меч острый Вардана мы свято храним,
И слава не меркнет любимой страны.

Цветы Арагаца — улыбка твоя,
И золотом пурпура ты налита...
Все песни мои отдаю тебе я,
Армения, солнце мое и мечта!

ДУБ

Ав. Исаакяну

До меня издалека
 Доносится звон колокольный —
Это, след оставляя,
 Верблюжий идет караван,
Словно эхо былого
 Плывет над землей подневольной,
Над горючей землей
 Сквозь полуночный мрак и туман.

Как превратна судьба,
 Как сурова дорога поэта!
Он оставил свой город,
 С друзьями он был разлучен.
Только дерево он посадил,
 Чтобы дерево это
Рассказало про все,
 Чем гордился и мучился он.

И настала пора,
 И земля отошла от печали,
Расцвела, молодея,
 Полна нерастраченных сил.
И пшеница взошла,
 И сады плодоносными стали,
И разросся тот дуб,
 Что когда-то поэт посадил.
Все, что виделось прежде
 Во снах и мечтах затаенных,
Все сбылось на виду
 Измученных народов и стран.

Неогляден простор,
Голос радости весел и звонок,
Вечен свет Арагаца,
Как вечен родной Айастан.

И, забыв про усталость,
Неслыханной былью согрето,
Без остатка вобрав
Воплощенной мечты торжество,
Учащенно забилося
Тревожное сердце варпета,
И по-вешнему юно
Слова зазвучали его...

До меня издалека
Доносится звон колокольный,
Будто, след оставляя,
Верблюжий идет караван.
Вижу — крижистый дуб
На земле зеленеет раздольной
И шумит, не смолкая,
Лучами зари осиян.

ВМЕСТЕ С АЛЕКСАНДРОМ ФАДЕЕВЫМ

1

Щедра до расточительности осень —
Ей золота опавшего не жаль...

Сквозь рябь листвы просвечивает просинь,
И обнажилась перед нами даль.
Над старыми развалинами Двина
Редели дымчатые облака;
Молчала медоносная долина,
Дышала успокоенно река.
Мы огибали ельник красноперый,
Росу сбивали с луговой травы,
Мы наши виноградники и горы
Показывали гостю из Москвы.
Шагал он рядом
Нетореной тропкой,
По-юношески строен и высок,
И сбоку
Солнце золотило робко
До времени седеющий висок.

Гость любовался красками заката,
Скупился от волненья на слова,
И крупная —
На фоне Арарата —
Белела вскинутая голова.
А нам казалось —
В дымке розовой
Давнишний исполняется загод:
Два Арарата встретились,
Два брата,
И друг на друга
С нежностью глядят.

Желтеют листья,
Землю облетая,
Под легким ветром морщится вода.
Вернулась снова осень золотая.
Но гость наш не вернется никогда.
И лишь гора все ищет в час заката,
Оглядывая гаснувший простор,
Того, с кем познакомилась когда-то
И позабыть не может до сих пор...

2

Любил ты слушать песни наши,
Когда друзья садятся в круг,
И ниже солнце,
И окрашен
Вечерней охрой росный луг;
И плес темнеет небосвода,
И в тихой песне до конца
Перед тобой душа народа
Сливается с душой певца.
Не снисходя до одолженья,
Не по обязанности, нет,—
Прикрыв глаза от напряженья,
Ты песню слушал, как поэт.
И продолженьем песни этой
Тянулись горы вдаль;
И были песней недопетой
Крутые волны на реке,
Орлиный клекот в поднебесье
И заревой тропинки нить...

И жизнь твоя была как песня.
Такую песню
Не забыть!

* * *

Хотел бы я теперь услышать снова
Гудок, в депо зовущий на заре,
И под листвою тополя густого
Отца, как встарь, увидеть во дворе.

Хотел бы я услышать звон металла,
Лязг буферов перед началом дня,
Хотел бы я, чтоб снова, как бывало,
Мать поутру приветила меня.

Наверно, было ей и в самом деле
Не так легко — на то она и мать —
В рассветной полумгле, сорвав с постели,
Мальчишку на работу провожать.

Она старалась быть со мною рядом,
Пока я собирался второпях,
Глядела на меня печальным взглядом,
И были у нее глаза в слезах.

Дымилось небо, сумрачно и серо,
И, молча волосы покрыв платком,
Осьмушку хлеба, что сама не съела,
Она в карман совала мне тайком...

Была тяжелая пора, и все же
Завидую тому я пареньку,
Что в зной и стужу, в грязь и бездорожье
Спешил в депо, проснувшись по гудку.

* * *

Судьба меня не баловала,— смладу
Бил встречный ветер, не жалея сил.
И с тех же пор опору и отраду
Я в песне сокровенной находил.

Со злом и ложью пылко, без оглядки
Я в дерзкий бой вступал во все года.
И хоть не раз ломался меч мой в схватке,
Но побежден я не был никогда.

Сквозь мрак и пламя,
Сквозь труды и войны
Прошел я, веря в торжество добра.
И голос правды, тихий и спокойный,
Не заглушили громы и ветра.

Не потому ль душа в пути суровом
Чиста поднесь, как солнечный восход,
Что кровным делом и заветным словом
Светло и свято Ленин в ней живет.

МОСТЫ

Вот он, мой последний мост
(Может статься, не последний?).
В зимний полдень, в полдень летний
Как он прочен, как он прост!

Да, беспечен был я в дни
Беспечального начала.
Из грядущего огни
Молодость моя встречала.

Все мне было ничем.
Рушил всякие преграды.
Друг? Заботился о нем.
Враг? Не знал к нему пощады.

Я шагал по большаку, —
Так подсказывала совесть.
Прочитал я на веку
Удивительную повесть,

Повесть жизни, повесть дней,
Разделенных со странюю.
Честно я прошел по ней
Путь-дорогу в жизнь длиною.

Ноша жизни мне легка,
Потому что вижу ясно
Цель, — она во всем прекрасна,
Хоть не так еще близка.

Вот он, мой последний мост
(Может статься, не последний?).
В знойный полдень, в полдень летний
Как он прочен, как он прост!

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

Когда иду я стороной степною
И травы влажные блестят кругом,
Как песня, возникает предо мною.
Встает издалика отцовский дом.
Горит на Арарате снег вершинный,
И над землею дымка голуба,
И светится Ширакская долина,
И колосятся дружные хлеба.

Когда порой в краю чужом я вижу
Развалины старинных крепостей,
Минувшее становится мне ближе,
Становится доступней и ясней.
И оживают под лучами солнца
Легендами овеванные дни,
Дома Тигранакерта и Звартноца,
Крутые стены Карса и Ани.

Когда, от зноя летнего багряны,
На берегу Днепра шумят сады,
Мерецятся сады мне Кахзавана,
Что так же щедро солнцем налиты.
Они цветут, похожие на чудо,
И, словно прошлого оживший зов,
Тревожа слух, доносится оттуда
Заливистая песня соловьев.

Когда, минуя синее заречье,
Иду я вдоль опушки поутру
И вспыхивают рядом, словно свечи,
Веселые березки на ветру,—
Подобно бурею гонимой птице,
Я мысленно лечу в Сарикамыш,
В его леса, где на заре искрится
Прозрачная роса и стынет тишь.

Я помню все — отчетливо, до боли:
Тропинки узкие, родимый кров,
Пшеницею засеянное поле,
Гул водопадов, тишину лесов.
И та большая птица все упрямей,
Застигнутая бурею в пути,
Усталыми и сильными крылами
И днем и ночью бьет в моей груди.

МОИ САЖЕНЕЦ

Легко прижился саженец в саду:
Пришла весна — набухли дружно почки.
И клейкие зеленые листочки
Зажглись на нем у мира на виду.

Приметный среди розовых кустов,
Прекрасен он особой красотой,
Как девушка весеннею порою,—
Часами на него глядеть готов!

Соцветья белые светло горят,
И теплый дождь стучит по нежным листьям.
Он понемногу деревом ветвистым
Становится и радует мой взгляд.

Любуюсь персиковым деревцом:
Оно встречает утром в дымке зыбкой
Моих внучат застенчивой улыбкой,
Приветливым и ласковым лицом.

Я говорю ему:
— Цвети, наш друг,
В саду Отчизны, выращенном нами,
И весели нас добрыми плодами,
И озаряй улыбкой все вокруг!

ЧЕЛОВЕК И... «ЧЕЛОВЕК»

Седой хирург, привычный ко всему,
Задумался тревожно и устало:
Как сердце подарить свое
Тому,
Чье сердце быть надежным перестало?
Плыл в окнах вечер, трепетен и ал,
И, вспоминая в сотый раз больного,
Врач в пальцах молча сигарету мял,
И спички доставал, и прятал снова.
«Какое горе! —
Хмуρο думал он.—
Когда бы долгий век больным был прожит!
Но путь, что далеко не завершен,
На середине оборваться может.

Еще не все исполнились мечты
И перевернуты не все страницы.
О сердце человеческое!
Ты,
Еще не постарев,
Устало биться.
Как все лучится и звенит кругом,
Как много надо совершить на свете!
А у больного есть еще и дом,
И дома ждут его
Жена и дети...»
И поутру,
Когда уже вокруг
Застыли сестры в операционной,
Хирург сказал больному:
— Верь мне, друг,
Ты будешь жить — здоровый, исцеленный!
И вот настала тишина,
И врач,
Как воин, приготовившийся к бою,
Забыл про все.
Он был сейчас незряч —
Он только сердце видел пред собою.
Почти не поднимая головы,
Обыкновенное творил он чудо:
Ткань рассекал он,
Расширял сосуды,
Накладывал кетгутковые швы.
Он крови дал дорогу — и по ней
Кровь потекла, невидимая глазу,
И сердце биться начало сильнее,
Как будто факел жизни вспыхнул сразу!

Потом хирург,
Пот отерев рукой,
Брел медленно и отрешенно к дому.
Ведь для того,
Чтоб дольше жил другой,
Частицу жизни
Отдал он другому.
...Прошли года,
И с тем, другим, опять
Судьба его столкнула, к сожаленью;
Он просто у него хотел узнать
Ответ на поданное заявленье.

Но человек, спасенный им,
Сидел
В отдельном кабинете,
Строг и важен,
И было у него так много дел,
Что доктора не мог принять он даже.
Был каждый шаг по лестнице тяжел,
Входная дверь скрипела так угрюмо!
Старик по улице сердито шел,
И мучила его одна лишь дума.
О, если б врач,—
Представил он на миг,—
Мог исцелять сердца от зла и скверны
И доброту им прививать,
То, верно,
На свете не было б сердец больных!

МОРЕ

Державны,
Немыслимо хороши
Просторы, встающие наперерез.
О, ты безмятежней моей души
Голубоокое чудо чудес!
Не счесть кораблей на твоей груди
И молний, пронзавших, как лезвие,
А ты все такое же впереди,
Голубоокое диво мое!
И нет на тебе никаких морщин,
Тысячелетий и нет следа.
Властитель непобедимых пучин,
Ты с вечностью накоротке всегда.
Бесстрашны сердца наши, как борцы.
Недаром ты близко по праву мне,
Но только на сердце моем рубцы,
Их смыть не дано никакой волне...

СЕРДЦЕ ГЕРОЯ

В дальнем поле, там, где мак расцвел,
Пал герой от пули роковой.
С клетотом к нему слетел орел,
Над высокой прошумел травой.

Ярче алой розы в знойный день
Рана на груди его была,
На виске поголубела тень.
Замутился гордый взор орла.

На поле туман прозрачный лег,
Кровь на ране — алая роса.
Сердце храбреца орел извлек,
Чтоб, как знамя, взвить под небеса.

Но, взлетев, упал он на крыло,
Распластался в предвечерней мгле:
Так то сердце было тяжело,
Полное любви к родной земле.

РОДНИК-ПАМЯТНИК

Журчи, родник студеный —
бегущая вода,
Серебряная влага,
врывайся в душу мне!
Пускай твое журчанье
не смолкнет никогда,
Как не умолкнет слава
погибших на войне.
Вокруг тебя деревья
зеленые стоят,
И от цветов окрестность
волшебная пестра,
И пчелы над цветами
стремительно жужжат,
И целый день смеется,
играя, детвора.
Лей эту воду, путник,
в сухой, горячий рот!
Пей, юноша веселый,
из полного ковша!
Пусть храбрость павших в битве
к вам в сердце перейдет
И мужеством героев
наполнится душа.
Журчит родник студеный —
бегущая вода,
Пьют воду в жаркий полдень
республики сыны.

Я знаю:
не иссякнет источник никогда,
Как не иссякнет слава
людей моей страны.

ПОБЕДА

Во сне и наяву,
В чужих краях и дома,
На поле брани,
Где огонь и мрак,
И на полях,
Где зеленеет злак, —
Одно нам слово
Близко и знакомо.
Одно заветное,
Волнующее слово,
Оно в глубинах
Сердца рождено!
Ростком упрямым
Поднялось оно
И вспыхнуть розой
Пламенной готово —
Победа!

Кровью добытое благо!
Любимца сына
Видит мать в тебе,
Мужающего
В яростной борьбе
Под праведным
Крылом родного флага.
Победа!
Ты вскипаешь
Звонкой песней
Под небом
Наших сел и городов.
Ты сушишь слезы
Горестные вдов,
Ты солнце
В ясно-синем поднебесье.
Как наша воля,
Ты неколебима.

Ты разжигашь пламя —
Жаркий горн,
Твой снег сияет
Выше снежных гор
Во имя жизни
Родины любимой.
Ты согревала нас
И в дождь, и в стужу,
Давала пищу
Вере и мечтам.
Ты — ранам исцеляющий
бальзам.

Ты — сила,
Вдохновляющая душу.
Когда, сраженный
Вражескою пулей,
Сын на руках
Отцовских отходил,
Победа —
Наш бессменный командир —
В почетном становилась карауле.

Железом изрешеченный
Насквозь,
Но вновь воскресший,
Как герой былинный,
Тобой ведомый,
Встал у стен Берлина
Товарищ, павший где-то под Москвой

Сквозь кровь и слезы,
Горести и беды,
Крещенные немислимым огнем,
Неудержимо
Мы с тобой идем,
Великая, священная Победа!

СЫН

В те годы землю из конца в конец
Раздук и горя ветры облетели.
Сын-первенец качался в колыбели,
Когда на фронт ушел его отец.

Отец отважный пал в святом бою.
С тех пор не раз сменило зиму лето...
Но мать любила сына слишком слепо,
Печальной правды я не утаю.

Один он у нее, как свет в окне,
Одна надежда, ласковый сыночек,
Кровиночка, зелененький росточек,
Он — память о погибшем на войне.

О мертвом сны, а явь лишь о живом.
О, как она им, бедная, гордилась,
Не покладая рук, она трудилась,
Чтоб милый львенок становился львом.

В заботах непрестанных между тем
Порой мы что-то главное теряем.
Бездельником, невежею, лентяем
Стал сын ее, на удивленье всем.

Он не давал, он только брал легко.
И в чем же сомневаться можно тут? —
Ведь булки в элеваторах растут,
Готовят в магазине молоко.

Знать не хотел, что это все не так.
Что значит мелочь для него, мужчины!
И матери глубокие морщины,
И слезы тайные ее — пустяк!

А мать старела. Тяжелей всего
Снести плечам неправоту сыновью.
Но до конца пути она с любовью
По-прежнему глядела на него.

Лишь только им по-прежнему жила,
Но слабые не рассчитала силы.
И у ее безвременной могилы
Жизнь показалась сыну не мила.

Он понял все и все тогда постиг,
Предстала правда перед ним сурово,
И жизнь свою он словно начал снова
В тот самый страшный, в тот великий миг.

Он каждый шаг по-новому решает,
Приносит на могилу ей цветы,
Его дела и помыслы чисты,
Но сердца ничего не утешает.

Из гроба матери вовеки не поднять.
Мук совести вовеки не унять.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

По воскресеньям в розоватом дыме
Цветов, колеблющихся на ветру,
Мать с дочерьми и внуками своими
Приходит в парк Победы поутру.

К огню, шаги замедлив на мгновенье,
Она подходит в горькой тишине,
Чтоб преклонить молитвенно колени
Перед солдатом, павшим на войне.

Ушла из рук ее бывшая сила,
Морщины на лицо ее легли.
В слезящихся глазах ее застыла
Боль не забывшей про войну земли.

Все знают эту женщину седую,
И люди молча сострадают ей.
У Вечного огня стоит, тоскуя,
Мать семерых погибших сыновей.

Светло горит негаснущее пламя,
Синеет над цветами небосвод.
И мать, беззвучно шевеля губами,
По именам сынов своих зовет.

Стоит она в томительной печали
И вспоминает прожитые дни:
Мужали сыновья, орлами стали
На радость ей, на гордость ей они.

Но грянул бой, и небо потемнело,
И поднялись орлы, чтобы в бою
С врагом сразиться яростно и смело
За мать свою, за Родину свою.

Не пощадило небо грозное
Ее детей, отпели их ветра.
Лежат они под Керчью и Москвою,
Лежат они у Волги и Днепра...

Им не она глаза, скорбя, закрыла
Рукою материнскою своею,
И эта безымянная могила
Ей кажется могилой сыновей.

А даль ясна от края и до края,
И вьется пламя, день и ночь горя,
Как будто матери напоминая,
Что пали сыновья ее не зря.

Армянка-мать, убитая кручиной,
Всем матерям тоскующим сродни.
И все ж она не схожа с той, былинной,
Склоненной над руинами Ани.

И выпрямляется она устало
И, обернувшись, смотрит на внучат.
Была война — сынов ее не стало,
Но светит солнце, и сердца стучат.

И, словно боль на время успокоив,
Она уходит в тишине немой —
Мать семерых прославленных героев,
С войны не возвратившихся домой.

ПЕР-ЛАШЕЗ

О знойный утренний Париж,
Едва проснется шум,
Улыбкой солнечной сулишь
Ты много дел и дум.

Лишь толщу полутемноты
Багровый шар пробьет,
Поспешно начинаешь ты
Обычный день забот.

Однажды начинался так
Рассвет великий твой,
Когда сквозь мрак пробился стег
Коммуны боевой.

Но снова ты, Париж, в плену
У жадных торгашей,
Чья страсть — набить живот, мощну
Ценой нужды твоей.

А я победных дней твоих
Не позабыл: они
Святая для меня святых,
Те пламенные дни...

Зовет нас Пер-Лашез к себе —
И мы с утра спешим
К тем, кто напутствовал в борьбе
Нас подвигом своим.

Мы едем... Вот он наконец,
Край заповедный тот,
Что с детства в глубине сердец
Легендою живет.

Цветы... но разве только их
Сюда мы принесли?
Мы принесли печаль живых,
Печаль родной земли.

Став на колени, мы скорбим
Здесь, у простой стены, —
И чудится: видны мы им,
А нам они видны.

О знойный утренний Париж,
Твои владельцы спят:
Их с ночи Мулен-Руж, бесстыж,
Насытил тьмой услад.

Они не знают — где им знать? —
Чем славен ты, Париж,
Они — пресыщенная знать,
Ты их не удивишь!

И все же, хоть скромна стена,
Под ней — священный прах.
И башню Эйфеля она
Затмит, затмит в веках.

К ней, величавой, на поклон
Идут сыны Труда.
А сколько их со всех сторон
Еще придет сюда,

Лишь человечества рассвет
Взойдет над всей землей —
И снова вспыхнет стяг побед
Коммуны боевой...

Тогда, Париж любимый наш,
Наследник баррикад,
С улыбкой людям ты отдашь
Своих столетий клад.

ЯБЛОНЕВЫЙ САД

Яблони, яблони, яблони выстроились перед нами,
Ветви их щедро украшены праздничными цветами.

На нежное их цветение смотрю я влюбленным
взглядом,
Словно невестами в белом, люблюсь я белым садом.

Пойдем по саду, красавица, друг мой нежный и
милый,
Своею рукою, девушка, ты этот сад разбила.

Твоею заботой и волею, любовью и вдохновеньем,
Словно сияньем солнечным, наполнена чаша
цветенья.

Солнце целует яблони блещущими лучами,
Яблони к солнцу тянутся розовыми губами.

Несколько лет мне снилась в дымном огне войны
Встреча в саду цветущем, встреча в саду весны.

Яблони тонкоствольные выстроились перед нами,
Ветви их щедро украшены праздничными
цветами

Сад ты разбила, девушка, яблони ты взрастила,
Той же рукою, девушка, сердце мое разбила.

РОДНИКИ

Родники у раки,
Ручейки под горою —
Все поет и звенит
Этой вешней порою.
И уже ручейки
Превратились в потоки,
И уже родники,
Словно небо, глубоки.
И поют родники
И ручьи на рассвете —
Голоса их легки
И крылаты, как ветер:
— Будим мы ото сна
Тонкий стебель тюльпана:
Мы, как жизнь и весна, —
Дети гор и Севана!

Льется песня, звеня,
По долинам и склонам,
Наполняя меня
Этим радостным звоном.

* * *

Сыну Степе.

Потоки ливня на горах не остаются, нет,
Сугробы снега на горах не остаются, нет.
Весной меж круч горячий луч растопит снег и лед.
Дожди пройдут, снега спадут, не остаются, нет.

Туман, закрывший мир, навек не остается, нет.
Туман в горах крутых навек не остается, нет.
Пусть ветер злой покроет мглой все тропы гордых скал,
Но в знойный день уходит тень, не остается, нет.

Свирепых бурь проходит след, не остается, нет.
Гроза не празднует побед, не остается, нет.
Хоть за змеей ползет змея в горах то там, то тут,
Но цепи гор, держа дозор, века переживут.

И солнце, что тепло дарит, переживет века,
Земля, пока она горит, переживет века.

Коварство змей и тьма ночей и бури — все пройдет,
Но человек, как горный кряж, переживет века.

РАДУГА

Устами золотыми на заре
Весна, лучась, вещает о добре.
Для всех живущих в мире в свой черед
Сверкающая радуга встает.

Из тучи, что нависла над бугром,
Торжественно пророчествует гром.
И дождь, богатый урожаем суля,
Поит зазеленевшие поля.

Сверкающая радуга встает,
Распахнутый яснее небосвод.
И, щедрый цвет из завязи будя,
Округа отдыхает от дождя.

Расправился росой омытый лист,
Прозрачен воздух поутру и чист.
Благоухают травы и цветы,
И мир исполнен юной доброты.

Добры дождем омытые леса
И птицы, рвущиеся в небеса,
И даже самый лютый из зверей
В такую пору кажется добрей.

О человек!
Под радужной дугой,
Горящей над ложбиной и рекой,
Вобрав прохладу утреннюю в грудь,
Выходишь ты опять в урочный путь.

Сверкающая радуга встает,
И впереди — привычный день забот.
И, коль добро живет в твоей груди,
С открытым сердцем землю огляди.

От мира яркоцветного вовек
Неотделим ты,
Добрый человек.
Как радуга, горящая светло,
Неси земле душевное тепло!

* * *

Речка, лес в слепящем блеске дня,
Я навек вас в сердце уберег,
Связывают накрепко меня
С жизнью нити множества дорог.

Но милее всех дорог одна,
Та, что в детство, в край ведет родной;
Как объятье теплое, она
Раскрывается передо мной.

И каким бы я ни шел путем,
И в какие б ни забрел края,
Речку ту, тот лес и скромный дом
Никогда не позабуду я.

ДЕРЕВО

Не в том ли, дерево, твоя беда,
Что ты со всеми ласково всегда —
И с тем, кто бережет зеленый цвет,
И с тем, в ком жалости к деревьям нет?

Скажи мне честно, правды не тая,
Неужто в этом доброта твоя,
Что солнцем напоенные плоды
Всем без разбора щедро даришь ты?

О дерево, мне видеть невтерпеж,
Что ты за правду принимаешь ложь,
Что отличить не в силах ты подчас
Добра от зла, укрытого от глаз.

О дерево, я с давних лет, как мог,
Растил тебя, лелеял и берег,
От стужи укрывал тебя зимой,
Водю поливал в палящий зной.

За жизнь твою, не тратя лишних слов,
Своею я пожертвовать готов,
Чтоб ты цвело, чтоб поднималось ты
Все выше,
Дерево моей мечты!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Клятва. <i>Перевод Ст. Карина</i>	3
Ода России. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	3
Смольный. <i>Перевод Я. Серпина</i>	5
«Над Прагою златоглавой...» <i>Перевод</i> <i>В. Державина</i>	7
«Спокойная гладь Разлива...» <i>Перевод</i> <i>В. Державина</i>	8
«Армения моя...» <i>Перевод И. Александровой</i>	9
Арагац. <i>Перевод Л. Озерова</i>	9
На берегу Аракса. <i>Перевод Я. Серпина</i>	10
«Цветы Арагаца...» <i>Перевод Л. Озерова</i>	10
Дуб. <i>Перевод Я. Серпина</i>	11
Вместе с Александром Фадеевым. <i>Перевод</i> <i>Я. Серпина</i>	12
«Хотел бы я теперь...» <i>Перевод Л. Озерова</i>	14
«Судьба меня не баловала...» <i>Перевод Я. Серпина</i>	14
Мосты. <i>Перевод Л. Озерова</i>	15
От сердца к сердцу. <i>Перевод Я. Серпина</i>	16
Мой саженец. <i>Перевод Я. Серпина</i>	17
Человек и... «человек». <i>Перевод Я. Серпина</i>	17
Море. <i>Перевод М. Шехтера</i>	19
Сердце героя. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	19
Родник-памятник. <i>Перевод Я. Смелякова</i>	20
Победа. <i>Перевод И. Кучина</i>	21
Сын. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	22
У Вечного огня. <i>Перевод Я. Серпина</i>	24
Пер-Лашез. <i>Перевод Ст. Карина</i>	25
Яблоневый сад. <i>Перевод Я. Смелякова</i>	27
Родники. <i>Перевод Я. Серпина</i>	28
«Потоки ливня на горах...» <i>Перевод М. Зама-</i> <i>ховской</i>	28
Радуга. <i>Перевод Я. Серпина</i>	29
«Речка, лес...» <i>Перевод М. Мировой</i>	30
Дерево. <i>Перевод Я. Серпина</i>	30

Бабкен Карапетович КАРАПЕТЯН

ЯБЛОНЕВЫЙ САД

Стихи

Редактор Е. А. Антошкин

Технический редактор О.Н.Ласточкина

Сдано в набор 17.03.86. Подписано к печати
04.06.86. А 01981. Формат $70 \times 108^{1/32}$.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-
изд. л. 1,70. Усл. кр.-отт. 1,58. Тираж
80 000 экз. Изд. № 1631. Зак. № 2638.

Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ИГРА БЕЗ ПРОИГРЫША

● Сотни тысяч человек постоянно занимаются физической культурой и спортом на стадионах, в бассейнах, спортивных залах и других сооружениях, построенных и реконструированных с помощью доходов спортивно-числовой лотереи «Спортлото».

● Новые спортивные сооружения, возможность систематически заниматься физкультурой и спортом — таков главный выигрыш всех участников этой популярной игры. Каждый из них вносит свой вклад в развитие физкультуры и спорта, помогает спортивному строительству.

● Лотерея «Спортлото» проводится в двух видах — «6 из 45» и «5 из 36». Тиражи транслируются по Центральному телевидению еженедельно.

● Каждый билет участвует в тиражах двумя вариантами (комбинациями) номеров. Он выигрывает, если с результатами тиража совпадут не менее трех номеров, зачеркнутых в одном из вариантов.

● Выигрыши — от трех до 10 000 рублей.

**Главное управление спортивных лотерей
Спорткомитета СССР.**